



Глава седьмая

Только семь красок
и семь нот

Chapter 7

Just Seven Colors
and Seven Notes

Л. Ковалева-Кондюрова "Туманное утро"
L. Kovaleva-Kondurova "Misty Morning"



В. Лупачев, А. Кондуров (в мастерской художника)
 B. Lupachev, A. Kondurov (in the artist's studio)

Александр Кондуров

заслуженный художник РФ

В конце улицы, в белой морозной перспективе, навстречу мне двигалось большое расплывчатое пятно, внутри которого постепенно определились три фигуры: две вертикальные и одна горизонтальная. Огромный тулуп, валенки и нелепая мохнатая шапка, из-под нависшего козырька которой, раздвигая покрасневшие щеки, сияла широченная улыбка. То ли подпирая его, то ли вися на нем, рядом двигалась другая фигура, замотанная, как капуста, в разные платки и шали. Третья, горизонтальная, примерно такого же размера, шагала на четырех ногах рядом. От всех троих валил обильный розовый пар. Слава Лупачёв, его жена Леночка Ларина и огромная собака Багичка – наши замечательные соседи совершали ритуальный воскресный променад по заснеженным улицам Лисьего Носа.

– Сашунь, а вели-ка своим дворовым поднести нам с тобой по рюмочке водки, – пропел слегка простуженный баритон. – Ведь я только что разгреб весь наш двор от снега по приказу Елен Санны.

– Ребята, да вы с ума сошли – на таком морозе! Сейчас пойдем к нам, я обед приготовила, там и выпьете, – запротестовала Лена, размахивая для убедительности разноцветными варежками.

На блюдечке из дома уже выплывали две запотевшие стопочки, отороченные кусочками сала и солеными огурчиками.

– А-а-а, – крякнули мы разом.

Художник и музыкант живут практически в одном пространстве переживаний, используя ту амплитуду возможных средств, которую предложила им природа. Семь нот и семь цветов – много это или мало? Мы кричим от радости и от горя. Мы молчим от горя и от радости. Какого цвета радость? Какого тона горе? И только семь красок и семь нот...

Фальшивый звук ненастроенного инструмента может ранить так же, как абсолютно открытый цвет, положенный на холст прямо из банки. И в то же время этот самый «ненастроенный» звук в определенном контексте может создать удивительно драматическое звучание, как и «открытый» цвет, уложенный в соответствующую форму. Интонация, мне кажется, главный инструмент художника, а ведь это термин музыкальный. «Композиция» – это тоже общий термин, хорошими композиторами называют некоторых живописцев. А исполнители, умудряющиеся передать тончайшие оттенки теплого или холодного, ведут нас в абсолютно зримый мир.

Alexander Kondurov

Honored Artist of Russia

At the end of the street, on the frosty, white horizon, a large, blurry blob was moving towards me; three shapes—two vertical and one horizontal—gradually became more distinct. An enormous sheepskin coat, felt boots, a ludicrous, shaggy fur hat, its peak flapping above red cheeks and a wide, dazzling smile, approached. Another shape—tightly wrapped in all sorts of scarves and shawls like a head of cabbage—was coasting alongside, supporting the first shape or hanging on it, I couldn't tell. The third one, roughly the same size as the second, was powering ahead on all fours. All three of them were emitting abundant clouds of pink steam. Slava Lupachev, his wife Elena Larina, and their enormous dog Bagichka, our wonderful neighbors, were taking their traditional Sunday stroll around the snow-covered streets of Lisy Nos, a town outside of Petersburg.

“Sasha, old boy, please have your serfs bring us a shot of vodka each,” a slightly nasal baritone sang. “I’ve just shoveled our whole block, at my Lady Larina’s command.”

“Guys, you must be crazy—drinking out in the cold? Let’s all go to our place. I’ve already made lunch, and you’ll have a drink inside,” Elena protested, waving her colorful mittens persuasively.

Two steamed-up shot glasses resting on saucers with slivers of cured pork fat and pickles running around their rims emerged from the house.

“Ah,” we grunted in delighted unison.

Artists and musicians essentially live in the same realm of human experience and use the same range of tools given to them by Mother Nature. Seven notes and seven colors—is that a lot or a little? We shout in joy and in grief. We remain silent in our grief and in our joy. What color is joy? What is the tone of grief? There are only seven colors and seven notes...

A sour sound produced by an un-tuned instrument can wound just like an un-mixed color spilled on the canvas straight from the tube. That same un-tuned sound can produce a striking dramatic effect in the right context, like a pure color used to make just the right shape. I’d say that intonation—a word generally used to describe music—is actually an artist’s most powerful instrument. The word “composition” also overlaps—some artists must be called good composers, while musicians who succeed in expressing the finest warm and cool shades lead us into a purely visual world.

Those were the kind of conversations I had with my dear friend Slava Lupachev, as we strolled around Lisy Nos or sat under the lilac bushes, contemplating



А. Кондуров «След на земле»
(посвящается В. Лупачеву)
A. Kondurov «Trace on the earth»
(dedicated to V. Lupachev)

Примерно такого рода беседы вели мы с моим другом Славой Лупачёвым, когда прогуливались по дорожкам Лисьего Носа или сидели под кустом сирени, разглядывая на свет бокал красного вина. Мы называли это «уроками сольфеджио». Я знаю, Слава известный и замечательный музыкант. Его гобой солировал в оркестрах Темирганова, Гергиева, Колобова и многих других. Он был удостоен первого исполнения музыки для гобоя современных композиторов. Он много рассказывал об этом, отмечая эмоциональную сторону этих незабываемых встреч, когда его, еще молодого исполнителя, уже тогда допускали заявившие о себе маэстро в круг музыки, для многих недоступной, замечая в его взгляде неподдельный интерес к происходящему на музыкальном Олимпе.

– А как это сыграть? – спрашивал он, еще вчерашний студент, Альфреда Шнитке, разбирая партитуру его концерта для гобоя, арфы и струнного оркестра.

– Как хочешь, так и играй, – отвечал великий кудесник, бросая его, как ребенка, в воду, веря, что тот обязательно выплывет. Он допускал его в пространство своего творческого предчувствия, выраженного на нотной бумаге одному ему известными знаками.

Жизнь художника – довольно рискованное дело, ее можно сравнить с работой stalkera. Это движение по опасной, порой враждебной территории, где нога, поставленная для опоры, может не найти тверди, где кажущаяся красота несет в своей прелести губительные ловушки. Но это позволяет открывать новые пространства, доселе неизведанные, хранящие в себе тайну, которую ты открываешь. Мы все время пытаемся проникнуть в недостижимое, хотя понимаем, что неизвестное составлено из обыденных вещей, знакомых нам с детства. Просто иногда, представ в каком-нибудь другом порядке, они открывают нам новые смыслы, несущие в себе свет, знаки и символы, которые помогают расшифровать обыденное.

Рождество! Медленно падает тихий снег, покрывая все вокруг искрящимся белым кружевом. Я не чувствую холода, снег кажется теплым и ложится не только на землю, деревья и крыши, но и на лоб, нос и плечи, приятно щекоча и покусывая. Стремительно летящая сорока, как будто зависла в кадре, попеременно меняя свое черно-белое оперение. Ветви деревьев, переплетаясь в сложном кроссворде, уютно окутывают весь двор, ограждая его от всего остального мира. На крыльцо то и дело вы-

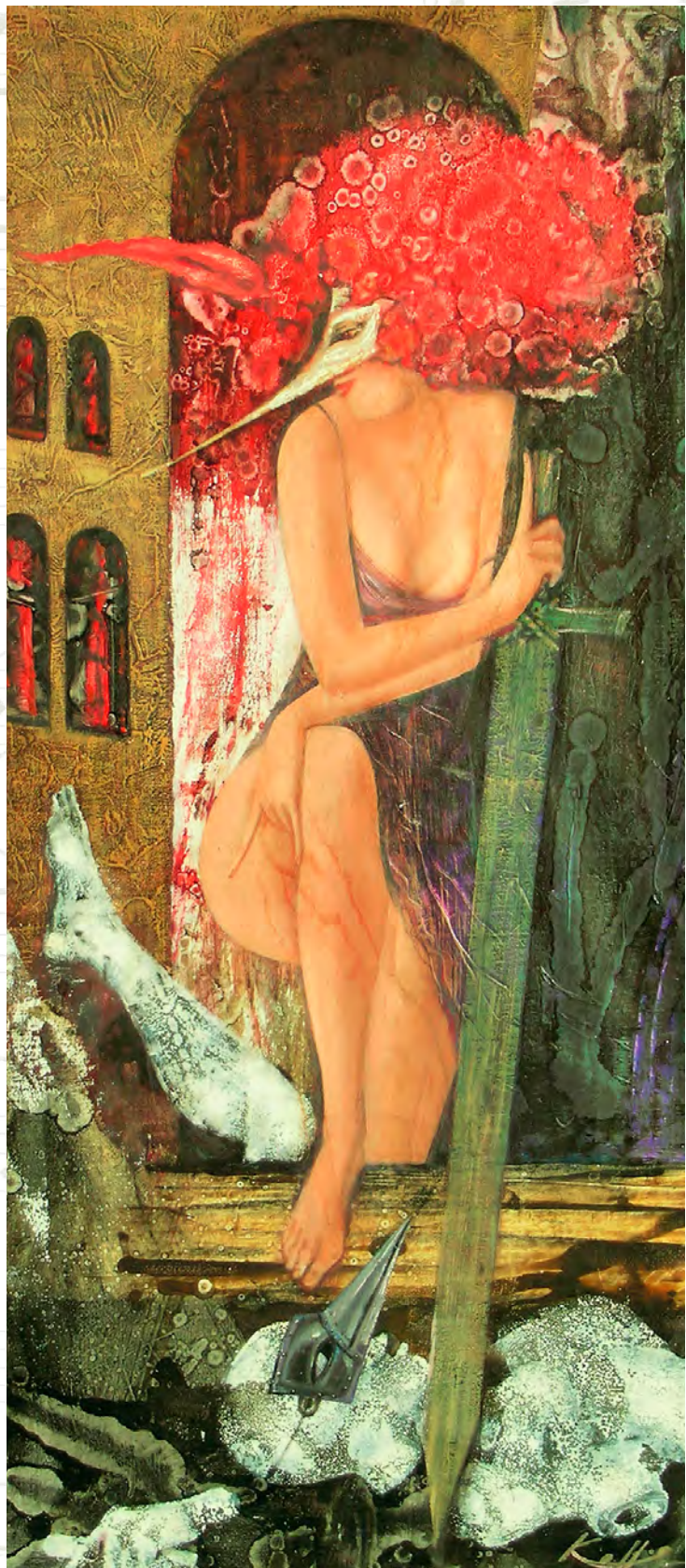
the sunlight on our glasses of red wine. We called these talks solfeggio, or ear training. I know that Slava was a famous and well-loved musician. He gave solo oboe performances with Temirkanov, Gergiev, Kolobov, and many others' orchestras. He was granted the honor of being the first to play many contemporary composers' pieces in public. He told me a lot about those experiences, recounting the emotions he felt during those unforgettable meetings, when distinguished maestros welcomed him, a rather young performer, into their exclusive circles, when they appreciated his genuine interest in the elite musical scene around him.

“How should I play it?” He was a recent graduate, just yesterday he had been running through the sheet music for Alfred Schnittke’s concert for the oboe, harp, and strings, and now he was speaking to the great sorcerer himself.

“However you like,” Alfred answered, throwing Slava right into the water like a child when it’s time to sink or swim. He led Slava into the domain of his creative premonitions that found their expression on music paper in the form of signs that only he could decipher.

An artist’s life is rather risky; it’s like being a stalker in Tarkovsky’s film. You’re walking through a dangerous and sometimes hostile environment, where solid ground could suddenly vanish beneath your feet, where a seemingly beautiful landscape sets devastating traps for you. But this journey allows you to enter new, unexplored spaces containing a mystery that you discover little by little. We are constantly trying to access this unreachable domain, although we realize that the unknown is comprised of rather mundane things that we’ve all known about from an early age, but which can be arranged in a different order to reveal new, deeper meanings, containing insights, signs and symbols that empower us to discover that they can actually be deciphered.

It’s Christmas time! Quiet snow falls slowly, covering everything in sight, like sparkling, white lace. The cold isn’t bothering me; the snow feels warm, landing on the ground, trees, and roofs, as well as on my forehead, nose, and shoulders, gently tickling me as it nips at my skin. A magpie hovers about, as though it were frozen in a picture, its feathers flashing black and white intermittantly. Tree branches, intertwined in a convoluted crossword, swaddle the whole yard, blocking it off from the outside world. Fancily-dressed guests spill out onto the porch from time to time. Elegant women defy the cold, boldly flaunting their



А. Кондуров. «Юдифь»
A. Kondurov. «Judith»

скакивают празднично одетые гости. Дамы, очень смело нарядившиеся для загородной вечеринки, поводят оголенными плечиками, при этом сжима кулачки. Большой сбор. По-моему, здесь половина оркестра Мариинского театра. Слава и Леночка обмывают свой новый дом, любовно отделанный дизайнерским гением хозяйки. Огромный диван, с которого открывается вид на застывшие, словно в полете, прямые и наклонные стены. Минималистическая, сияющая над головами, люстра и камин, от которого исходит тепло. Музыка. Мимо в танце проплывает Славина бабочка. Общее движение. Длинные женские руки прочерчивают замысловатые линии в пространстве, наполненном радостным гомоном и ощущением парения.

Слава – человек-праздник. Самые простые вещи он мог представить загадочными и особо значимыми. Вы бы видели, как он преподносит подарки! Это же обычно целое действо с торжественным разворачиванием специальных оберток, сопровождаемое острыми комментариями и прибаутками, в процесс вовлечены все, вплоть до домашних животных и попугая Жоры, которого он научил на фразу «Мужская любовь самая чистая» отвечать «Давай выпьем!».

Из обычного дня рождения он мог, например, устроить «Пельменный фестиваль», проводимый зимой при пятнадцатиградусном морозе. На костре, разведенном прямо посреди двора, дымится огромный котел, в котором булькают приготовленные заранее настоящие сибирские пельмени. Закуски примостились тут же, на дощатом столе. Гости, одетые в шубы и валенки, активно двигаются. Граненые стопочки, наполненные ледяной водкой, время от времени подогревают и без того розовые, пышущие весельем лица.

– Ну что ты дрожишь и подпрыгиваешь в своих летних ботиночках? Я же четко говорил – приходите на лыжах. А ты, вишь, на такси приехал, – выговаривал он кому-то из гостей и, обратившись к супруге, продолжал: – Елен Санна, подыщи-ка ему какие-нибудь обмотки – беда с этими интеллигентами.

Песня полилась сама собой. Уже никто не боялся мороза. Гости, обнявшись, кружились в хороводе. Громко ревел неизвестно откуда взявшийся баян, и отчаянно визжала сквозь золотые зубы огромная баба в народном костюме и кокошнике. «Заказал для убедительности», – по секрету сообщил мне Слава.

naked shoulders, yet still clenching their fists. There's quite a crowd—it looks like half of the Mariinsky Theatre orchestra is here at Slava and Elena's housewarming party. There's an enormous couch facing straight and slanted walls that appear to be frozen in mid-air, a minimalistic chandelier shining above our heads, and a fireplace heating the room; our hostess, Mrs. Larina, lovingly poured her ingenuous design sensibility into their home. Slava's bowtie floats by, bobbing to the music. Everything is moving. Women's long arms trace intricate lines through the room filled with joyous commotion and intoxicating lightness.

Slava was a walking celebration. He could make the simplest things seem mysterious and deeply significant. You should have seen him giving people gifts! It was a whole ceremony; his friends would undo all sorts of special wrapping paper as he delivered witty remarks. Everyone would be involved, including their pets, especially their parrot Zhora, whom he'd trained to respond to the phrase "men offer the purest love" with "let's have a drink!"

For instance, he could turn a perfectly ordinary birthday party into a Dumpling Festival, held outdoors in the frigid cold. Authentic, Siberian dumplings, wrapped before the occasion, would be bubbling in an enormous pot hanging over a bonfire right in the middle of the yard. There'd be an appetizer spread on the picnic table right next to it. The guests, dressed in fur coats and felt boots, would be bobbing around all evening, occasional rounds of ice-cold vodka in little shot glasses warming their already pink and exuberant faces.

"What are you doing dancing all around in street shoes? I made myself very clear—put on your winter boots and ski on over here. But you just had to take a taxi," he said to one of the guests jokingly. Then he turned towards his wife and continued, "Lady Larina, go get him some leggings—these city folk just can't hack it out here."

The party kept going on its own steam, and nobody seemed fazed by the cold any longer. The guests were dancing around in a circle, hugging and holding hands. Someone produced an accordion and it roared loudly. A huge woman wearing a traditional Russian costume and headdress was shrieking desperately through her gold teeth. "I hired her to make the festival more authentic," Slava said conspiratorially.

The bright stars were intertwining with the falling snowflakes. Our Siberian was frolicking, bursting into the middle of the ring of dancers. Enormous pine

Блестели звезды, переплетаясь с падающими снежинками. Наш сибиряк отплясывал, ворвавшись в середину хоровода. Огромные сосны уносили звуки праздника в черное бесконечное небо.

Ничто в жизни не бывает случайным, ведь все, что окружает нас с рождения, так или иначе формирует наше неповторимое эго, трамбруя и уплотняя именно ту форму, которая впоследствии станет тобой. Нам повезло в детстве услышать большое собрание серьезной музыки из обычной радиоточки, которая не выключалась никогда. Наши уши избирательно закрывались тогда, когда дикторы фальшиво-бодрыми голосами вещали нам о нашем счастье, но зато потом начинался Чайковский, Шопен или, скажем, Рахманинов. Мы жили в некоем культурном пространстве, совершенно не осознавая этого, и впитывали эту музыку вместе с теми детскими радостями, которые даровала нам природа в этом возрасте. Снег, дождь, мороз и солнце – все, из чего было соткано наше удивительное беззаботное существование, казалось бесконечным. Слава рассказывал мне, как он впервые в кино услышал звук гобоя: «Он загипнотизировал меня, и я пошел за этим волшебным звуком, чтобы пропасть на всю жизнь».

Это уже потом «многое знание принесет многие печали», когда и другая услышанная нами музыка, прорвав поставленные кем-то идеологические барьеры, принесет на своих крыльях звуки музыки Стравинского, Айвза, Шенберга, Ксенакиса, Шнитке. Вот тогда-то и появится новое послекусие обожаемых ранее Чайковского и Вивальди. Они покажутся излишне чувственными и даже слегка карамельными.

Слава часто приглашал меня в театр. Если театр начинается с вешалки, то музыка – с пробуждения оркестровой ямы. Меня это всегда завораживает. Звуки настраиваемых инструментов очень похожи на палитру живописца, постепенно заполняемую красками, выдавленными из тюбиков. Сейчас они начнут, перемешиваясь, вступать во взаимодействие или конфликт, создавать напряжение или гармонию. Я помню, в юности, когда занимался в изостудии, за стеной репетировал духовой оркестр. С нетерпением ожидал начала, когда музыканты, разбирая инструменты, начинали разминаться, играя различные пассажи. Эта какофония была для меня верхом наслаждения. Я не знал еще тогда о существовании атональной музыки, но, как выяснилось, был готов к ней.

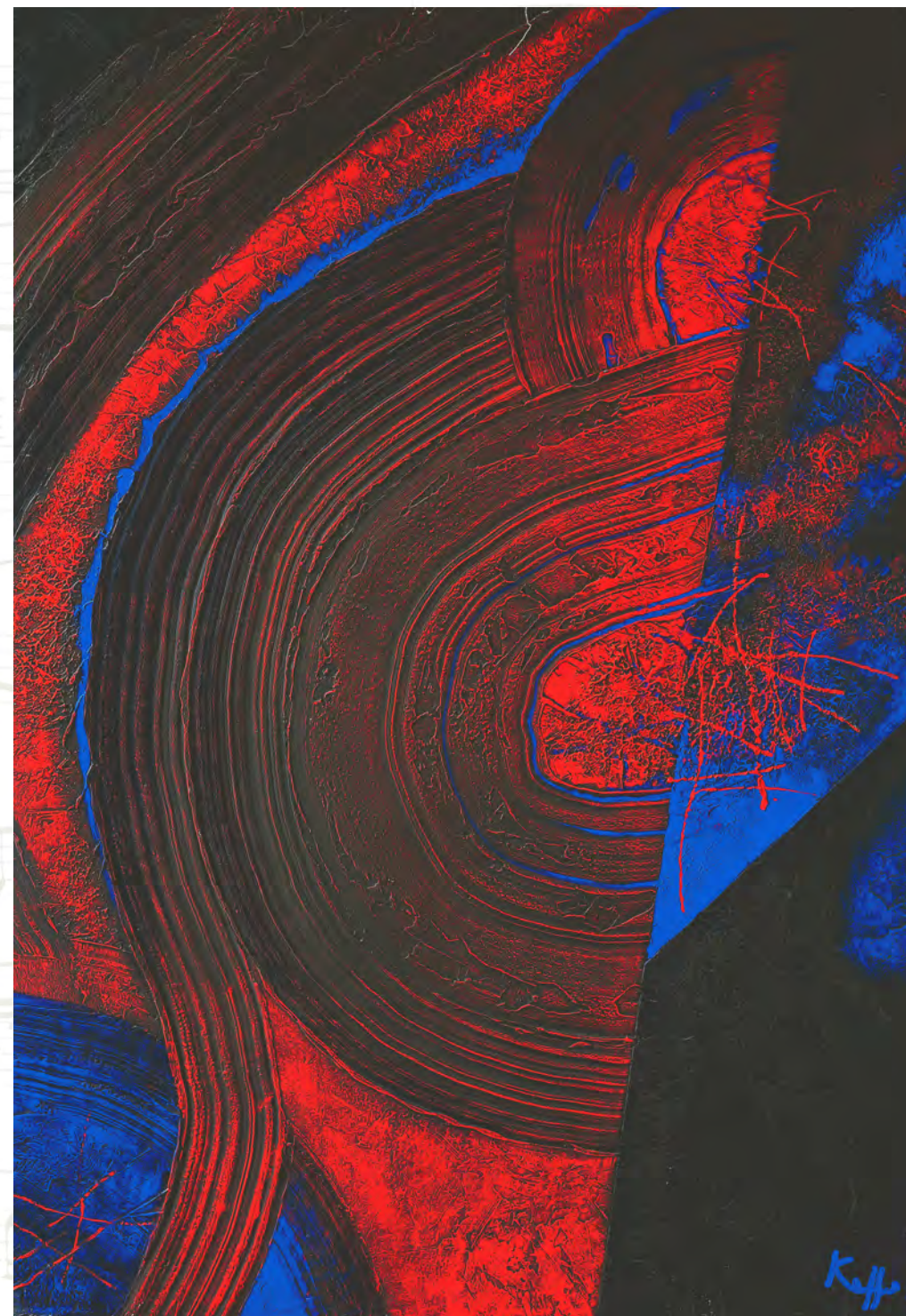
trees carried the sounds of the festival into the endless, black sky.

Nothing in life is an accident; from the moment you're born, everything that surrounds you consolidates your unique personality in one way or another, molding and shaping it into the form that ultimately becomes you. We were lucky to have listened to a great deal of quality music on the radio, which we never switched off. We'd zone out whenever the hosts would speak to the country in their falsely cheerful voices about how grand life was in the Soviet Union, but then we'd perk back up for Tchaikovsky, Chopin, or Rachmaninoff. We lived in our own little cultural space that had little in common with the outside world, though we hardly realized that at the time, soaking up that music along with all the other joys nature bestowed upon us as children. Snow, rain, frost, and sun—all the threads holding our wonderful, carefree existence together—seemed eternal. Slava once told me about how he heard the oboe for the first time in a movie, "it hypnotized me, and I set off to find that magical sound and all I've done ever since is chase after it."

But then, to quote Ecclesiastes, "in much wisdom is much grief: and he that increaseth knowledge increaseth sorrow." Tchaikovsky and Vivaldi, whom we'd absolutely adored up until then, started producing a different aftertaste. They seemed excessively sensual and even cloyingly sweet.

Slava would often invite me to the theatre. Konstantin Stanislavsky, the renowned Russian actor and theatre director, once said that the performance starts as soon as you check your coat. I'd say the music starts as soon as the orchestra pit comes alive—that has always captivated me. The sounds of instruments tuning up closely resembles a palette gradually filling up with paint squeezed out of tubes. They start mixing together, meshing or clashing, creating tension or harmony. I remember listening to the wind orchestra rehearsing in the other room when I went to the arts studio as a kid. I couldn't wait for the beginning, when the musicians would start warming up, tuning up their instruments and playing different passages on top of each other. That cacophony was beyond delightful to me. At the time, I'd never heard of so-called atonal music, but I guess I was ready to embrace it.

Whenever I reminisce about our walks around Sestroryetsk Park, the smell of withered oak leaves with the sea's iodine breath whistling through them comes back to me, as well as endless conversations about music, painting, and the creative process. Ap-



А. Кондуров «Огонь и вода» (посвящается Лариной и Лупачеву)
A. Kondurov «Fire and Water» (dedicated to E. Larina and V. Lupachev)

Вспоминая наши со Славой прогулки по строрецкому парку, я чувствую запах пожухлых дубовых листьев, сквозь который пробивается йодистое дыхание моря. И, конечно, бесконечные разговоры о музыке, живописи, о творческом процессе... Я, видимо, неправильный художник, я не пишу с натуры. Моей натурой является музыка, поэзия, размышления. Благодаря нашему общению, родилась, например, серия моих картин «Этюды Шопена». Слава очень помогал мне в этом, объясняя многие процессы, о которых я даже не догадывался. Почему я, например, люблю хоровые произведения? Оказывается, это связано с обонянием, которое различает едва заметные тонкие запахи. Я делюсь с ним ощущениями, о которых не стал бы говорить ни с кем. Кому был бы интересен, например, поразивший меня эффект, когда при прослушивании очень эксцентричной пьесы для фортепиано Ксенакиса я вдруг обнаружил очень тихий, но мощный музыкальный фон, идущий откуда-то из глубины, – я был поражен столь драматическим эффектом! Оказалось, я не выключил на компьютере недавно звучавшую музыку из «Тристана и Изольды» Вагнера, и она повторилась, но уже вместе с Ксенакисом.

Я вспомнил, как когда-то, очень давно, лежа в кровати, впервые познавал окружающий меня мир широко открытыми глазами. Передо мной на стене висел пейзаж, который, казалось, я уже видел в прошлой жизни и теперь узнал его: грязно-теплая весна, черные птицы и старая стрельчатая колокольня. Спустя время, я узнал, что это «Грачи прилетели», а Саврасов написал эту картину специально для меня – остальные, видимо, для кого-то другого. Также потом, много лет спустя, я узнал, что за музыка лилась в это время из репродуктора. Величественный хор пел о том, что «мы отстояли весну» и что «наши силы растут»... Мое маленькое тело наполнялось теплом и медленно воспаряло над кроватью, сливаясь с торжеством происходящего. Этот хорал я слышал довольно часто в то время – шел, я думаю, 1948 год.

Много лет спустя эта мелодия иногда выплывала откуда-то, отзываясь в душе теплом и удивительной светлой радостью. Обидно, думал я, что мелодия, подарившая мне ключ к миру звуков, наверное, принадлежит какому-нибудь дурацкому советскому композитору, усердно обслуживающему идеологический фронт. Такой музыки было тогда много, звучала она отовсюду, обдавая резким запахом «Шипра» и солдатского гуталина. Моя же

parently, I do things the wrong way—I don't paint from a model, or from nature, for that matter. Music, poetry, and moments of contemplation are my models. For instance, our talks prompted me to create a series of paintings called Chopin's Etudes. Slava was a huge help, as he taught me about many processes I never even knew existed. For example, why do I like choir performances so much? It turns out that my love for choir music is linked to my acute sense of smell. I shared experiences with him that I wouldn't talk about with anyone else. For instance, who else would care to listen to me describing how stunned I was to discover an incredibly quiet, yet powerful musical background creeping upward from some unknown depth of Xenakis's rather eccentric piece for the piano. It produced the most remarkable impression on me! It turned out that I'd forgotten to turn off a track from Wagner's *Tristan und Isolde* that was playing on my computer, hence the mysterious new layer to Xenakis's composition.

I remember lying in my crib, a long, long time ago, when I first experienced the the world around me with my eyes wide open. A landscape, which I felt I'd seen in a previous life and was now recognizing once again, was hanging on the wall in front of me—a dirty, warm spring, black birds, and an old arched bell tower. Some time later, I recognized this landscape as Savrasov's *The Rooks Have Come Back*, and it seemed as though he'd painted it especially for me—the rest of his paintings appeared to be for someone else. Then, many years later, I found out what kind of music had been pouring out of the radio. A majestic choir was singing that “we battled through the spring” and “our forces are growing.” My tiny body filled with warmth and slowly rose above the crib, blending in with the grandeur around me. I heard that choir quite often at that time—I think it was around 1948 or so.

Many years later, that tune would surface from time to time, reverberating in my soul with warmth and bright, astonishing joy. It's a shame that melody, which had given me a magical key to the world of sound, probably belonged to one of those idiotic Soviet composers who conscientiously served the party's ideological agenda. That kind of music was all over the place at the time, pervading everything like the abrasive smell of Chypre perfume and soldiers' boot polish. My music was completely different, though. It was akin to the divine, classical music that we were lucky enough to hear in great abundance as children.



А. Кондуров. «Концерт для окон»
A. Kondurov. «Concert for windows»

музыка была совершенно другой. Она была сродни той божественной классической музыке, которая, к счастью, нам досталась в детстве в большом количестве.

И вот: мы со Славой сидим в кустах у меня во дворе и пьем чилийское красное, разговаривая, естественно, о «сольфеджио». Накануне я, случайно включив телевизор, услышал свою удивительную мелодию и в титрах узнал, что это музыка из послевоенного фильма «Встреча на Эльбе».

– Слава, кто написал эту музыку?

– Шостакович, – не задумываясь, ответил мой замечательный музыкант.

Все встало на свои места. Я не зря лежал в кровати, всматриваясь и вслушиваясь в открывающийся мир, который сообщил мне в тот момент что-то очень важное.

– Помогли бы камень перетащить, – грозно сверкнув глазами, заявили нам жены, упираясь руками в орудие Сизифа.

– Мы разговариваем о сольфеджио, – гордо сообщили мы. – Мы не можем спуститься к вам...

Саша Чайковский нервно забрасывал в сумку банные пожитки, даже не дождавшись конца матча между Израилем и Россией, который наши безнадежно продули. Леночка сделала все, чтобы день рождения Славы запомнился его друзьям. Баня, арендованная для этого случая в отеле «Ольгино», была приведена в состояние банкетного зала. На огромном столе в предбаннике, заставленном всяческой снедью, выделялась гора красных усатых раков, запотевшая водка с нетерпением ждала участников битвы, которая развернулась в парилке. Главным блюдом «на десерт» был приготовлен отборочный матч ЧМ по телевизору.

– Слава, но как мы могли так лохануться, ведь мы давно с тобой выяснили, что совместное «болеенье» за «Зенит» или сборную обрекает их на неминуемый проигрыш, – стенал я, уронив распаренную голову на стол.

– Сашунь, я думал, мы сможем переломить эту позорную традицию. Ведь мы же старались, правда?

Это правда – Славе часто удавалось усилием воли, точным расчетом и удивительной целеустремленностью преодолевать многие препятствия, поставленные жизнью. Это касается его основного занятия – развития Мариинского театра, приложения невероятных усилий в международных культурных проектах, в делах по восстановлению памятников и памяти имен великих людей. Он

One time Slava and I were just sitting under the lilac bushes in my yard, drinking a Chilean red and deep in our solfeggio, naturally. A few days before that, I randomly turned on the television and heard my wonderful melody. The caption said it was music from *The Encounter at the Elbe*, a post-war Soviet movie.

“Who wrote that music, Slava?” I asked.

“Shostakovich,” he answered without having to think.

“Are you gonna help us move this thing or not?” asked one of our wives; they were leaning against a rock like a couple of Sisyphuses, looking daggers at us.

“We’re in the middle of solfeggio,” we declared grandly. “We can’t come all the way down there...”

Sasha Chaikovsky anxiously stuffed his bath house apparel into his bag, not even waiting for the end of the match between Israel and Russia. Our guys had really blown it! Elena did everything imaginable to make sure Slava's birthday party was a memorable one for his friends. The bath house she'd rented out at the Olgino Hotel had been converted into a first-class banquet hall. A heap of red crabs was most prominent among all the delicious dishes on the enormous table set up in the dressing room. Ice-cold vodka was eagerly awaiting warriors desperate for a reprieve from their battle in the steam room. The world championship qualifier set to come on later was our desert.

“How could we screw that up so badly? I mean we both figured out a long time ago that if we root for Zenit and the national team at the same time they're both doomed to lose,” I moaned, my steam-addled head dropping onto the table.

“I thought we could break that shameful tradition, Sasha. We really did try this time around, didn't we?” Slava said.

He was right. Slava could overcome any obstacles by making precise calculations and harnessing his astonishing willpower and determination. That also goes for his main job, promoting the Mariinsky Theatre, putting in enormous effort to launch international-scale cultural projects, restoring monuments and preserving the memory of great people. He was a man of great stature, capable of taking a bird's eye view of any given situation and finding solutions others simply couldn't see...

Wandering through the exquisite rooms of the Marble Palace and checking out your own exhibition without Slava is just plain strange. You feel like a

был человеком большого масштаба, способным видеть ситуацию с определенной высоты, находя решения, недоступные многим...

Странное дело – бродить по собственной выставке в роскошных залах Мраморного дворца, но уже без Славы. Ты чувствуешь себя сторонним зрителем, случайно заброшенным в это петербургское великолепие. Взгляд скользит по обшарпанному сводчатому потолку, хранящим ощущение древности, шелест дворцовых одежд, запах сгоревших свечей. То ли они подготовлены к покраске, то ли случайно, а может быть, намеренно оставлены, чтобы своей сложной колористической структурой достойно конкурировать с живописью, расположенной ниже на стенах.

Часто ли мы оглядываемся назад? Обычно мы смотрим только перед собой, но все же замечаем и то, что происходит вокруг, ведь затылок, оказывается, тоже видит. Уши также участвуют в процессе восприятия мира, а о том, что мы можем чувствовать «всеми фибрами души», я уже и не говорю. Это внутреннее зрение, и оно является главным инструментом творческого человека, а не только глаза или уши, как думают многие. Образы, рождающиеся в голове, стремятся наружу и ложатся на холст, приглашая к диалогу. Выставка – это своего рода попытка оглянуться назад, погрузиться в размышления о сути происходящего, это возможность со стороны увидеть себя и «узнать» себя или засомневаться, понять, насколько ты соразмерен с окружающим тебя миром. Площадка Русского музея обязывает к такому осмыслению. Меня часто спрашивают, зачем я пишу такие большие картины? Видимо, я раньше подсознательно думал как раз о таких вот залах, и, как выяснилось, не зря.

Такое ощущение, что Слава идет рядом, ведь, рассуждая про себя, я часто обращаюсь к нему с вопросами. Наш диалог продолжается. Я подозреваю, что мы общались и раньше, когда еще не были знакомы. Это происходило в том тонком мире, где сосредоточены все человеческие ценности, весь мир знаний, весь мир ощущений. Там, где изобретается язык для общения с себе подобными, где ты защищен от грубого вмешательства сил, не способных жить в этом пространстве, где ты узнаешь людей по только тебе известным признакам, где каждый несет свою частицу откровения, чтобы отдать. Нужно только приложить усилие и не лениться задавать вопросы, и тебе обязательно ответят... Или Слава, или кто-нибудь другой – кто знает.

stranger who's been tossed randomly into the splendor of St. Petersburg. Your glance slides down shabby arched ceilings capturing the ancient feel inside the building, the rustling of courtiers' garments, and the smell of burnt-out candles. Either they're set to be repainted soon, or they've been kept this way—either intentionally or inadvertently—so their intricate color scheme can compete with the paintings hanging on the walls below.

Do we often look back? Generally, we only look forward, but we still notice what's going on around us. After all, the backs of our heads can see things, too. Our eyes enhance our perception of the world, as does what we feel with every fiber of our being. This is our internal vision, and it is the key instrument any creative person can utilize—contrary to popular belief, we don't just use our eyes and ears. Images conceived in one's mind seek some form of release and then land on the canvas; that is how a dialogue begins. An exhibition is something like an attempt to look back, immerse yourself in thoughts about the essence of your experience. It's an opportunity to observe yourself at a distance, recognize or even doubt yourself, and try to understand how you fit into the world around you. The Russian Museum in Petersburg is a special venue, one that requires you to conduct that kind of thought experiment. I'm often asked why I do such large paintings. I guess I'm subconsciously thinking about huge exhibition halls; not in vain, as it turned out.

I sometimes get this feeling that Slava is walking beside me, and I'll often address my questions to him when I'm immersed in thought. Our dialogue continues. I suspect we conversed before we ever met, in a cultured world where all human values are concentrated, a whole world of knowledge, a whole world of sensations, where you invent your own language to communicate with kindred spirits, and you are protected from the rude intrusions of forces incapable of living in that space, where you recognize people by signs known only to you, a place where everyone carries a quantum of revelation that is theirs to share. All you have to do is make the effort to ask questions, and you will get the answers you need... Either Slava or somebody else—who knows—will provide them.

Они всегда появлялись вместе – Леночка и Слава.

«Слава – Ленин ... муж» (слоган, придуманный Славой и многократно запечатленный в наших рисунках, поздравлениях и т.д.). «Красавица, богиня!» – раздавалось с порога, и, независимо от того, кем ты считала себя минуту назад, происходило чудо преображения: я и впрямь ощущала себя и красавицей, и богиней. «Молодая, а говоришь умно!» – и чепуха, сказанная мной, обретала и смысл, и глубину. С ним было удивительно легко и интересно говорить на любые темы. Как настоящий музыкант, он умел слушать и слышать собеседника и сам был блестящим рассказчиком – умным и интересным. Они жили на соседней улице в Лисьем Носу, так что мы имели возможность частенько заглядывать друг к другу. Каждый раз наши посиделки превращались в яркий, неожиданный праздник, независимо от того, сколько человек садилось за стол. Слава очень любил вкусно, а главное, красиво поесть, поэтому внимание уделялось не только содержанию, но и форме. Леночкиными стараниями столовая была любимым местом в доме, а если позволяла погода, то все пиршество переносилось на улицу, на большой круглый стол под зонтом. Его внимания хватало всем – никто никогда не был лишним или забытым, для каждого находились именно ему посвященные слова. Позже, когда мне посчастливилось принимать участие в некоторых проектах Вячеслава Лупачёва, я в полной мере смогла оценить и его организаторские таланты, и масштаб его личности. Приглашение в Выборгский замок на «Принцессу Турандот» само по себе не было неожиданным – Слава часто приглашал нас на спектакли и концерты в Мариинку. Неожиданным было другое – он предложил нам писать картины прямо там, на месте. По сути – писать музыку, которая была вокруг нас, отражалась от древних стен, шуршала в кронах деревьев, металась птицами в темнеющем небе. Это было незабываемое ощущение абсолютного погружения в звуки. «Принцесса Турандот» – одна из моих лучших и любимых акварелей. Поэтому, когда Вячеслав Иванович пригласил меня в качестве художника поехать с музыкантами Мариинского театра на музыкальный фестиваль в Савитайполе (в Финляндию), я с радостью согласилась. Пропускать через себя музыку, участвовать в ее со-творении, превращать финские скалы, сосны, озера, туман в звук и цвет было для меня драгоценным опытом, за который я бесконечно благодарна Славе.

They—Elena and Slava—always showed up together. “Slava is E-Lenin’s husband.” Slava came up with that slogan and it has become a fixture of our drawings, birthday cards, and the like. “What a gorgeous lady, you’re a goddess.” His words about you would carry from the doorway halfway across the room, and no matter how you were feeling a minute ago, you’d undergo a miraculous transformation. I’d actually start feeling like a gorgeous lady and a goddess. “You’re young but so sharp!” Then whatever nonsense I was just spewing would take on profound significance. It’s fascinating and amazingly easy to discuss all kinds of subjects with him. Like a true musician, he really knew how to listen, and he was a fantastically clever storyteller in his own right. They lived down the street from us in Lisy Nos, so we would often visit one another. Every get-together would turn into a lively, unexpected celebration, regardless of the number of people in attendance. Slava really loved delicious food, but more importantly, he loved dining in style; he paid close attention to form as well as content.

The dining room was everyone’s favorite part of their house, thanks to Elena’s painstaking efforts. If the weather permitted, our feasts would move outdoors, to a large round table under an umbrella. Slava mingled with everyone—nobody felt forgotten or out of place, and he would take the time to have heart-felt conversations with each of us. Later on, when I was fortunate enough to take part in a few of Mr. Lupachev’s projects, I saw his organizational talent first-hand and began to appreciate his expansive personality even more. Being invited to a performance of *Turandot* at Vyborg Castle came as no real surprise—Slava often invited us to performances and concerts staged at the Mariinsky Theatre. His suggestion that we work on our paintings right there in the audience was surprising, though, to say the least. Essentially, he was encouraging us to paint the music that surrounded us—the music bouncing off the ancient walls, rustling in the canopy of the nearby trees, and whizzing by like birds in the twilight. There was an unforgettable feeling of being completely immersed in the sound enveloping us. My *Turandot*, inspired by that evening’s show, is, in my opinion, one of the best watercolor paintings I’ve ever done, so when Mr. Lupachev invited me to join him at a festival in Savitaipale, Finland, as the artist of the Mariinsky Theatre troupe, I gladly accepted. Running their music through myself was an act of co-creation; turning the Finnish cliffs, pine trees, lakes, and mist

Его внимания и организаторского таланта хватало на все и на всех, а это было совсем непросто, учитывая, сколько народа надо было организовать, привезти, отвезти, разместить, накормить и т.д. и т.п., и при этом участвовать во всех концертах, потому что он в первую очередь Музыкант, а потом уже администратор. На одном из концертов, проходившем в кирхе, украшенной витражами в стиле арт-деко, со мной случился конфуз. Звучала прекрасная музыка – Бах, Моцарт, Бетховен. Солнечный свет преломлялся в цветных стеклах и превращался то в альт, то в виолончель, то во флейту. Я со своей акварелью примостилась в уголке и пыталась трансформировать звук в цвет, форму, образ... А музыкальные темы сменяли друг друга, и в какой-то момент я поняла, что пишу уже не Баха, а Губайдулину, Шнитке, Раскатова – и все это в рамках одной композиции. Но надо сказать, что весь концерт был так хорошо скомпонован, темы так закономерно перетекали одна в другую, дополняли друг друга, что сложившаяся в результате двухчасовой работы акварель получилась вполне гармоничной, хотя и несколько странной.

Для Славы музыка была его жизнью, его формой существования, и он вовлекал в этот мир нас, своих друзей. Все самое интересное, что происходило в Мариинском театре, – оперы, балеты, концерты стали для меня и моего мужа Александра Кондурова темой для картин и акварелей. Так родилось большое полотно «Концерт для окон», «Всенощная Рахманинова» А. Кондурова, «Концерт для ночи и виолончели», написанный мной.

Однажды Слава сделал мне царский подарок на день рождения – семь посещений Мариинки. Он неизменно встречал нас в фойе – величественный, строгий, в элегантном костюме и платочком в кармане пиджака, и уже не Слава, а Вячеслав Иванович провожал нас в свой кабинет или в директорскую ложу, или в зал, смотря по обстоятельствам, а в антракте с увлечением показывал «изнанку» нового концертного зала, знакомил с исполнителями, рассказывал, как создавался орган, как проектировалось и строилось новое здание Мариинки.

Нам очень нравилось приезжать к Славе и Лене в их небольшую квартирку прямо напротив театра, любовно обставленную старинной мебелью, фотографиями и всяческими мелочами, которые делают интерьер обжитым и уютным. Это, конечно, целиком и полностью было Леночкиной заслугой. Она долго и тщательно подбирала вещи, созвучные друг другу, создавая удивительно теплую

into sound and color was an incredibly valuable experience for me. I’m boundlessly grateful to Slava for affording me that opportunity.

His attention and managerial talent encompassed everything and everyone, which wasn’t easy, considering how many people needed to be organized, transported, housed, fed, etc., etc. Moreover, Slava would take part in all the concerts, because he was a musician first and an administrator second. I recall a terribly awkward moment at one of the concerts, held at an Art Deco church. The musicians were playing sublime music—Bach, Mozart, and Beethoven. The sunlight bouncing off the church’s stained glass windows turned into violas, then cellos, then flutes. I parked myself in the corner with my canvas and tried to transform sound into colors, shapes, and images... Then the musical pieces kept switching, and at one point I realized that I was painting Gubaidulina, Schnittke, or Raskatov, instead of Bach—all of these musicians had worked themselves into one composition. I have to say that the concert pieces were arranged very well, though; the varying musical themes flowed into one another so naturally and complemented one another so well that after two hours of work the resulting watercolor painting turned out to be quite harmonious, though rather odd.

Music was Slava’s world, his life, his form of existence, and he integrated us, his friends, into that world. All of the most interesting events that transpired at the Mariinsky Theatre—operas, ballets, concerts—served as central themes for my paintings, and those of my husband. His *Concert for Windows* and *Rachmaninoff’s All-Night Vigil*, as well as my *Concert for Night and Cello* found their expression during these performances.

One time, Slava gave me a birthday present fit for a king—seven visits to the Mariinsky Theatre. Majestic and austere, decked out in his elegant suit with a handkerchief poking out of his jacket pocket, he’d meet us in the lobby without fail, and then Mr. Lupachev, no longer just Slava from Lisy Nos, would take us back to his office, the director’s box, or the main hall, depending on the night. During the intermission, all excited, he’d show us the ins and outs of the new concert hall, introduce us to the performers, tell us how the organ was made, and how the new Mariinsky Theatre building was designed and built.

We really enjoyed going to Slava and Elena’s cozy apartment across from the theatre. Elena can take all the credit for decorating it, with old furniture, photographs, and all sorts of little knickknacks that made it

атмосферу. Конечно же, главной в этом доме тоже была музыка, и те вечера, которые нам довелось провести вместе, проходили при тихом «музыкальном сопровождении». Последнее время мы встречались не так часто, поскольку Слава был плотно занят в театре и жили они, в основном, в городе. Изредка ему удавалось вырваться в Сестрорецк – наградой для нас были долгие прогулки в старом парке. Последнее время он часто повторял фразу: «Счастливые вы, ребята, вы своими картинами уже сделали шаг в вечность, а что после меня останется?». Осталось очень многое...

А в наших картинах живет подаренная Славой музыка.

her own. She meticulously selected things that complemented one another, creating an amazingly warm atmosphere. Music was the most important thing in their home, naturally, and it was always a soft accompaniment to the evenings we were able to spend with one another. Unfortunately, there weren't many of them lately; Slava was all wrapped up in his work at the theatre, so they mostly stayed in Petersburg. Occasionally, he managed to get away for a few days, making the trip to Sestroretsk. Long walks in the old park were a real treat for us. He had taken to repeating the same phrase to my husband and me, "you two are lucky. Your paintings will leave a mark in eternity, but what will I leave behind?" Slava left a great deal... and the music he gave us lives on in our paintings.



Л. Ковалева-Кондурова «Турандот»
L. Kovaleva-Kondurova «Turandot»



Ковалева-Кондурова «Концерт для ночи и виолончели»
L. Kovaleva-Kondurova «Concerto for night and Cello»



А. Кондуров «Портрет друга» (В. Лупачев)
A. Kondurov «Portrait of the friend» (V. Lupachev)